

Бакурина Алина

СКЯЗКИ ИЗ ШЕРСТИ ТАЙНЫ ЛЕСНЫХ СЕРДЕЦ

Алина Бакурина

**Сказки из шерсти:
Тайны лесных сердец**

«Автор»

2026

Бакурина А. Р.

Сказки из шерсти: Тайны лесных сердец / А. Р. Бакурина —
«Автор», 2026

Свою первую сказку я придумала путешествуя по Индии, которая стала для меня некой волшебной страной. Миром, где верят в карму и перерождения. В индуизме есть понятие аватара. Это земное воплощение божества в разных образах и под различными именами. Мои звери в сказках и есть эти самые аватары, они отражают определённую грань характера, но при этом представлены полноценными личностями. Каждая сказка – отдельный зверь. История. Предлагаю читателю взять чашку чая, плед и последовать за этими историями. А, может быть, даже найти в них своё отражение...

© Бакурина А. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Бабочки	5
Девушка и лис	7
Колдун и Чародейка	9
Львица	12
Рысёнок и хомяки	15
Мартышка и зеркало	19
Удав и Зайка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алина Бакурина

Сказки из шерсти: Тайны лесных сердец

Бабочки

Однажды в одном одиноком животе завелась бабочка. Блѣклым окрасом она выделялась в сумерках живота пятном, беспокоила его, была намѣком на грядущие перемены. Билась о стенки рѣбер, короткими лапками щекотала поверхность, порхала по пространству. Потом что-то случилось, перемена в животе сделалась более явной: к бабочке присоединилась ещё одна, а за ней третья...

Чем больше бабочек рождалось в животе, тем замысловатее курчавились на их крыльях узоры, переливаясь блестящими вкраплениями. Сложнее становился и танец крылатых цветков: бабочки парили, обозначая геометрическими фигурами переживаемые эмоции.

Внутри живота бурлил пир: бабочки пускались в пляс, заставляя живот трепетать и светиться изнутри. Влекомые эйфорией, они были дружны и едины в выражении восторга своего рождения.

Но вот, одна за другой, бабочки обнаружили, что сѣстры их пропадают. Как бы не старались они сохранять праздничное настроение, красоваться роскошными, будто окрашенными борецкой росписью, крыльями и водить хороводы – приумножаться бабочки перестали. Игнорирование проблемы не помогло, а усугубило ситуацию.

Исчезновения продолжались. В животе создалось угнетѣнное настроение. Более того, крылья некоторых бабочек слабели с каждым взмахом, контур приобретал угольный цвет, они искрились, а после тлели едва заметными огоньками.

Здоровые, с неиспорченным окрасом, старались держаться от тлеющих бабочек подальше. Боялись, что явление заразно, и, если они отгородятся, то подобного с их крыльями не произойдѣт.

В полѣте заболевших бабочек оранжевой вспышкой охватывал огонь. На короткий миг пламя делало горящую бабочку самой яркой и примечательной. Никто не смел отвести взгляд от столь жуткого и удивительно-прекрасного зрелища.

После такая бабочка рассыпалась пеплом, горечь которого доходила до неведомых глубин, куда-то в область рѣбер. Вне живота их жизнь заканчивалась, перетекала во что-то другое, щемящее грудь и похожее на выдвинутые кошачьи когти.

Выжившие бабочки вели себя осторожнее: держались вместе, с недоверием относились к новым, которые вскоре перестали рождаться. Взмахи крыльев отличались теперь робостью, осторожностью. Каждая боялась, как бы её крылья не поразил зловещий угольный контур, предрекающий скорую смерть.

Убывая с каждым днѣм, бабочки боролись за жизнь, как умели. Им отчаянно хотелось жить, продолжать радоваться, не прекращать танец внутри живота.

Некоторые бабочки не сгорали, но их постигала ужасная участь. Со временем их крылья как бы выцветали. Узор стирался так же, как время съедало краску со старых шкатулок.

Обесцвеченные бабочки радовались, что избежали грустной участи самых красивых, чьи крылья воспылали огнѣм. Но, влача жалкое существование, не имея возможности блистать и веселиться, поняли, что лучше бы сгорели. Без праздничного окраса крыльев и кружащих голову танцев их жизнь лишилась смысла.

Одна за другой бабочки исчезали, безжизненным серым пеплом оседая на дно живота. Эпидемия пощадил единицы: сделала их робкими, одинокими, лишѣнными воли и надежды на возвращение в жизнь, внезапно наполнившуюся страхом.

Особенно холодно и тоскливо стало оставшимся обесцвеченным бабочкам после того, как малиновым огнём догорели их последние сестры, обладающие лилово-изумрудными крыльями-хамелеонами.

Убитые утратой, они искали утешения в компании друг друга. Жались ослабевшими крыльями к ещё более хрупким, создавая единый комок отчаяния.

Так и обитали бабочки во мраке, пока внезапно крылья одной не запылали сотканным из множества оттенков орнаментом, который засиял и осветил живот новым трепетным чувством.

Бабочки оживились. В их сердцах затрепетала хрупкая надежда на счастье. Их крылья окрепли, расцвели, каждая пара своим рисунком. Разлетевшись по животу, бабочки обрели силы на исполнение чарующего танца, вызывающего приятную щекотку.

Однажды...

Девушка и лис

В душе одной девушки царила вечная зима. Её кожа была бледной и тонкой, как пергамент. Колкие снежинки-мурашки бродили по рукам, проникали в тонкие сиреневые вены, что узорами оплетали тело и завязывались в узлы. Сцепившись между собой, эти снежинки пронзили холодом всё её нутро, сковали хрустящим льдом чувства. Сердце в груди билось слабо и неуверенно, плохо прослушиваясь через плотный слой невидимого снега, что заслонил холодную душу от мира яркого, светлого, солнечного.

Захотелось девушке приручить огонь, чтобы получить немного живого тепла. Мечтала растопить запрятанное в снега сердце, зажечь в нём живую искру, пробудиться от сковывающего мороза. Зацвести, раскрыться, как распускаются по весне первоцветы. Хоть на короткое мгновение познать внутреннее тепло и засверкать изнутри пробудившимся ото сна солнцем.

Обнаружив, где живёт огонь, прежде чем приступить к знакомству, она немало времени провела в наблюдениях за ним. Прежде всего хотелось узнать, как горит тот, чья жизнь наполнена теплом и светом.

Сначала следила издали за пылающими пожарами, что устраивало рыжее бестия в заброшенных сёлах и заболоченных гнилых лесах. Смотрела, как горела, трескалась и хрустела сухая трава, стреляя искрами. Как оставлял он после себя шрамы чёрной копоти по земле. Не пугал огонь её, всё равно хотела приблизиться.

Начала зажигать в доме ароматные свечи. Нерешительно и оттого ласково проводила ладонями над столбиками огня. Пламя пощипывало кожу, но она терпела. Руку отдёргивала только тогда, когда кусаться начинало, жалиться.

Огонь тоже наблюдал за ней. Её холод не пугал его пламя, а вызывал ответный интерес. Возможно ли растопить эти руки, это сердце, и не причинить им вреда?

Желание подружиться объединило их. С любопытством тянулся он, будто острой мордочкой, к протянутым ладоням. Научился не обжигать языком пламени руки, а только нагревать кожу. После – отстранялся, почти гас, танцуя на свечках.

Невозможная дружба укрепилась в особенно холодное время для девушки. Огонь, чтобы быть всегда рядом, обратился в огненно-рыжего лиса. Днём сопровождал свою подругу везде и всюду. В глазах-угольках загорались искры, следы оставляли россыпь пепла, которая разлеталась от пушистого рыжего хвоста. Ночью сворачивался плотным комком и обращался в жаркий костёр, потрескивая заботливо подготовленными дровами.

Несмотря на то, что лис всегда был рядом с девушкой, дотронуться она до него, сколько не пыталась, не могла. Рыжая шерсть наливалась пламенем, каждый волосок лиса обжигал. Только с виду казалось, что к ней легко прикоснуться, провести ладонью, зарыться ледяными пальцами в живое тепло, схватить и прижать к сердцу, чтобы растопить его.

Но жар лиса не мог проникнуть девушке в душу, согреть. А порой, боясь обжечь и её тело, огненный зверь становился совсем маленьким, размером с уголёк, из которого вот-вот исчезнет тепло, заменив пылающие пожары седым пеплом.

В такие моменты дым подхватывался ветром и летел в ясное, отражающее холод небо. Дух лиса скользил по стволам деревьев, въедаясь в кору, растворялся в пространстве, частицами оседая на плечах девушки, оставляя в её волосах щекочущий ноздри запах гари.

Давая к себе прикоснуться и сдерживая свою истинную сущность, сущность вечно голодного пожара, лис старался не обжечь девушку. Огненные пряди становились седыми, тлея и осыпаясь намёрзлую землю.

В такие дни он казался ей ближе, чем когда-либо. Пальцы больно обжигала поредевшая рыжая шерсть, но, прикоснувшись к ней впервые, девушка ощутила тепло и, наконец, согреть

лась. Её холодная кровь накалилась, бурными реками побежала по жилам, закипая и стремясь к самому сердцу.

С каждым прикосновением ей становилось всё теплее. Слои снега оттаяли, водой вышли через слезы. Глухой ритм сердца стал отчётливее, оповещая о пробуждении, конце зимы внутри скованного морозами нутра. Девушка почувствовала себя тёплой, проснувшейся, живой.

Временами лис сжимался в едва тлеющий огонёк, согревая ей душу столько, сколько нужно. Но обрести потом свою прежнюю форму, разрастаться снова в горящего, ярко-огненного лиса, ему становилось не по силам. Дым, исходящий от него, чернел и клубился, потускнели в глазах-угольках искры. На пальцах девушки после прикосновений к огненной шерсти оставалась пыль пепла.

Испугавшись, девушка перестала трогать лиса. Она не хотела, не могла потерять его. Понимала, что её желание согреться испепеляет его. Больше добротой лиса пользоваться было нельзя. Их дружба спасала её, но причиняла боль ему.

Им пришлось покинуть друг друга. Вдали от неё, занятый привычными делами, лис обрел силу – горел жарко, как и дано необузданному огню. Но наступало время, когда в горячую душу его прокрадывалась невероятная тоска по девушке. Заскучав, он глядел на неё с фитилей, и, не выдерживая разлуки, срывался с горящих свечей, обращаясь лисом. Печаль разрывала сердце его. Но он не мог отдать часть себя ей, при этом оставшись собой.

Так и дружили они – ледяное сердце и дух пламени, не решаясь расстаться навсегда, но и не в силах преодолеть невозможное. Горел огонь лиса в пахучих свечах, светлых в ночи кострах, отражаясь в ледяном блеске глаз девушки, которая хотела согреться.

Колдун и Чародейка

После множества деревенских распрей и пересудов, бурь в избе и ссор за порогом, громких столкновений самых потаённых глубин двух характеров – колдун и чародейка расстались. Загорались сырые леса, твердели болота и мёрзли первоцветы от гнева и поганого характера колдуна. Смолкали птицы, опадали листья, вода становилась отравой от подавленности и задетых чувств чародейки. Оба не так себе представляли совместную жизнь, думали, что сладят, примирятся, вытерпят друг друга во имя любви.

Колдун принялся за уничтожение быта первым. В излюбленной манере ранить, где болит, разрушать, где ветхо. Чародейка, будучи вспыльчивой и обидчивой по натуре, вдруг почувствовала вину в том, что не сумела совладать, обточить, как вода камень, характер колдуна.

Притом пакость любую могла она стойко стерпеть от любимого, а он, за терпение её, злился пуще, чем должно. После одной из громких ссор, с воем протяжным и осуждениями до седьмого колена, собрал вещи, оставил записку, что любит, но жить с ней не может, исчез колдун из жизни чародейки как-то по утру.

Холодно тогда было для поздней весны, сыро. Напустил колдун тумана на тропы, заслонил просветы в лесу еловом, чтобы ни найти, ни вычислить, ни разглядеть невозможно было.

Разозлилась чародейка. Махнула рукой на птиц, чтоб не трещали, задумалась. От испуга, что навсегда ушёл, переломилось что-то внутри женщины. Из избы не вышла, а в тумане, что за собой он на прощание оставил, заблудилась всё равно.

Колдовские способности на время оставили чародейку – горечь всю силу отравила. Записку его бессовестную сожгла вместе с немногочисленными вещами, но возвращения ждала ежедневно. Хоть бы весточку какую прислал: как он, что с ним, собирается ли обратно... Но весточки не было. Чародейку истощала тоска. Укреплялась гнилыми, но цепкими корнями мысль о том, что забыл её колдун без особых усилий.

Чуть только в себя приходит начала, из первых сил своих, чувств надрывных, наколдывала чародейка щенка. Складного, с лоснящейся шерстью, висячими ушами и хвостом-баранкой, которым он неумело скорее дрожал, чем вилял. Обняла, приласкала, а после отправила наивного на поиски колдуна. Остудить его пыл и вернуть домой.

Щенок помчался на поиски возлюбленного хозяйки, шумно вдыхая не столько ноздрями, сколько телом запахи путанных троп да чувств человеческих.

Чародейка томилась в избе от ожидания, ломала пальцы, волновалась. Дела забросила. Часть её путешествовала по лесу вместе с щенком. Невидимые нити тянулись от щенка к сердцу её. Оценит ли колдун жаркое, преданное стремление найти его?

Долго искать не пришлось. Щенок вернул колдуна домой: целого, невредимого, в хорошем расположении духа.

Помирились, вновь приладились друг к другу, зажили спокойнее. Но новая вспышка ссоры не заставила себя ждать. Нагрянула неожиданно-негаданно. Неизбежно. Колдун снова оставил чародейку, выплюнув на неё напоследок всё накопившееся недовольство родом людским. И чародейка, и щенок злобы такой испугались. Испугались, что в ответ на мольбу остаться, ударит их колдун ни рукой, так словом. Проводили колдуна молчаливыми взглядами, неподвижными позами. Щенок чуть было не рванул за ним за порог, но осёкся, струсил.

Колдун пропал, а чародейка, разрыдавшись, распалась острыми осколками печали на части. Горло сжимала тревога. Вдруг во второй раз он покинул её навсегда?

От отчаянья принялась колдовать. Щенок заморожено смотрел, как из-под дрожащих ладоней её появляется молодой пёс. Был он крупнее щенка, но в глазах светилась покорность, готовность заискивать, жаться к земле, показывать брюхо. Если нужно выть, пока ни обратят

внимания, ни пожалеют. Такого больше хочется защитить, чем обидеть. Не успела чародейка выпустить из рук создание своё, утешить лаской, как пёс умчался вслед за колдуном.

Скуля и извиваясь, привёл пёс колдуна домой под вечер осеннего дня. Прижалась чародейка к колдуну, а пёс долго путался под ногами, лаял, не сводил с найденного глаз, страхась потерять из виду – вдруг опять пропадёт. Посветлело в избе, покой и радость заполнили стены дома.

Третья ссора случилась спустя несколько морозно-скрипучих зим. Ясные друг другу, как январское небо в канун Рождества, колдун и чародейка, казалось, научились жить рядом и любить тихо. Но на дни ясные обязательно придёт одна вьюжная, леденящая кровь ночь. Ссора звенела весенним треском льда на озёрах, вонзалась острыми сосульками в наболевшие места, заметала метелью всё хорошее.

Колдун, не изменяя себе, ушёл без объяснений. Чародейка впала в бешенство скорее, чем испытало сердце другие чувства. Щенок с псом, переглядываясь, тихо скулили в углу. Кипя от гнева, создательница их наколдовала огромного, злобного кобеля с клыками острыми, внешностью вызывающей, жуть нагоняющей.

Остервенело разбрасывая по избе вещи, она задавалась вопросом, зачем ей такая любовь, а главное – за что? Сколько ещё частей ей оторвать от себя, чтобы колдун перестал разрушать их общее счастье и её саму?

Нашёл кобель колдуна быстро. От лая грозного, что вместо зова домой лес сотрясал, дрожали деревья, сбрасывая рыжие иглы на землю. Разбегались по норам, путая чужие со своими, звери. Одни птицы равнодушно покачивались на ветках – петь они уже давно перестали. Сомкнув зубы острые на рукаве, привёл кобель колдуна в избу с гордым видом. Злоба его напускной была, сам он ласки желал, как и пёс со щенком.

Для собак главным являлось колдуна чародейке вернуть. Счастье вновь восстановить удалось, но щенок и пёс, страхом потери запуганные, то и дело на кобеля косились. Тот тоже нежен был с колдуном, но по-своему – с опаской и готовностью напасть. И за руку цапнуть мог, и зарычать утробно, если не так что.

Жизнь в избе текла привычным, всеми выученным и вымученным руслом. После пережитых горестей потерь и радостей возвращения чародейка обнаружила в себе дремучую, подавленную усталость. Она знала, что обязательно настанет день, когда колдун стинет. По болотам бродить или счастья какого искать – всё равно ей стало. Любила она его не меньше, чем прежде, и он к ней сердцем накрепко привязался, но природу не обманешь.

В четвёртый раз, когда колдун ушёл почти что без причины, – ссоры со временем перестали тишить и раззадоривать обоих, столько слов они наговорили друг другу, что и без объяснений всё ясно, как день, было, – чародейка по привычке за колдовство взялась, и родилась в руках её волчица.

Брошенная женщина перестала понимать, что чувствует. Нужно ли ей повторять это мучение снова? Отрывать от себя очередную часть души? Сколько там, внутри, осталось не истерзанного?

Ужасающе спокойная, тихая волчица сверкнула холодными глазами. Как бы нехотя направилась за порог, но остановилась. Осуждающе взглянула, как глядят на детей, не ведущих, что творят, на всех собак по очереди, и улеглась у ног хозяйки.

Глядя на волчицу, внешне равнодушную, но таящую в себе огромную силу, что сдерживала, не выставляла на показ привязанность, злобу, отчаянье, любовь, чародейка подивилась собственному созданию.

Новая подруга, часть её самой, заняла мысли и время чародейки. Она была призвана охранять покой хозяйки, помочь силы восстановить, а не на колдуна их истрачивать. О себе помнит. О том, что есть на свете жизнь и жить её можно, не разбирая себя на кусочки. Чаро-

дейка пока ещё не осознавала, что подсознательно создала волчицу для того, чтобы та не позволила колдуну вернуться.

С тех пор свора никуда не убегала, но, в тайне от волчицы, собаки надеялись на то, что когда-нибудь порог избы вновь переступит тот, кому отдали они сердца свои. И останется с ними навсегда.

Львица

Спасаясь от послеобеденной жары в прохладной тени акации, дремал прайд. Тушу обглоданной зебры окружили мухи и мелкие мошки. Насытившись, хищники улеглись подле неё, облизываясь и щуря глаза. Сытость сделала их сонными.

Молодая львица опоздала к обеду, охотясь отдельно от прайда. Поживившись нерасторопным зайцем, она утолила голод, но в желудке осталось свободное место. Помимо неё ещё несколько молодых особей не успели полакомиться общей добычей. В отличие от молодой львицы они пока не вернулись с прогулки. От зебры почти ничего не осталось – нетронутой была только мясистая часть бедра. Львица, недолго раздумывая, решила, что это бедро – именно для неё.

Не успела она удобно пристроиться и раскрыть пасть, как рядом появилась другая львица, постарше. В глазах старшей светилась полная уверенность в том, что бедро на косточке оставлено для неё. Молодая львица мысленно возмутилась такой наглости, ведь ещё издали настроилась на то, что съест остатки в одиночестве.

Не намереваясь уступать, она огрызнулась, обнажив клыки. Старшую львицу такой выпад не напугал. Она оцетинилась в ответ, загрохотав полосами собрался на шее.

Пригнувшись к земле, львицы не сводили друг с друга глаз. Почти одновременно метнулись к туше, набросившись на лакомую часть зебры. Каждая тянула бедро на себя, не желая уступать сопернице.

Заспанные львы и дремавшие львицы вдруг проснулись и уставились на происходящее. Бедро никого не интересовало, прайд был сыт. Развернувшиеся события отлично скрасили им послеобеденный отдых. Всё лучше, чем без дела лежать и наблюдать за летающими над тушей мухами.

Молодая львица в спешке ухватила за выступающий край бедра, но успела сдвинуть челюсть и крепче ухватиться за основание кости. Старшая заняла менее выгодное положение. Она встала в устойчивую стойку и рывком дёрнула за конец кости бедро на себя.

Борьба длилась долго. Ни одна, ни вторая львица не думали сдаваться. Обе пожирали друг друга взглядами, утробно рычали. Выпущенные когти прорубали в земле глубокие следы. Угрозы не помогли. Львицы затихли, сосредоточившись на удержании позиций.

В саванне наступил полдень. Солнце жарко пекло, опалая шерсть огнём. Распуганные внезапной стычкой мухи вернулись, закружили вокруг морд львиц. Пристраивались под глазами, лезли в уши, щекотали лапками ноздри. Соперницам нестерпимо хотелось встряхнуться, но обе терпели.

Молодая львица, чтобы не отвлекаться на мух и другие внешние факторы – уставившихся на них львов, исподтишка наблюдающих львиц, – задумалась, отстранилась.

Сосредоточилась на привкусе крови во рту, которая железно-сладким соком выделялась из мяса. Вскоре это ощущение прошло. Горло сковала жгучая засуха. Соперница нарушила мнимый покой и попробовала обмануть. После долгого неподвижного стояния на месте, как и в первый раз, рванула кость на себя.

Молодая львица расслабилась и безвольно, всем весом повисла на другой стороне, до кости прокусывая мясные слои. Челюсти её сомкнулись железными тисками. Ни один капкан не смог бы потягаться с ней в силе сжатия. Капкан лишь безжизненная вещица, в то время, как челюсть львицы наполнена волей и диким звериным упрямством. Она вела единственно верную для себя стратегию борьбы – ни при каких обстоятельствах не разжимать челюсти. Чтобы не случилось.

Тело её стало тяжёлым, обмякло. Мысли из головы испарились, челюсти от напряжения не чувствовались.

Расслабиться. Не разжимать челюсти. Расслабиться. Не разжимать челюсти.

Выбранная установка помогала до тех пор, пока её разум не пронзила простая, но вносящая раздор в выбранный подход мысль:

А зачем я это делаю?

Я что – настолько голодная? Нет. Это последний кусок добычи, и поесть мне удастся не скоро? Нет.

Я хочу доказать этой львице, что сильнее? Да, возможно.

Делаю ли я это из принципа и вредности? Вполне на меня похоже.

А вдруг эта львица, в отличие от меня, вообще ничего сегодня не ела? Выходит, я, сытая, отнимаю у неё возможность поесть?

Размышления молодой львицы прервала старшая очередной попыткой вырвать добычу. Но она настолько напрягла челюсти, снова повисла на кости тряпкой, при этом сохраняя устойчивость в ногах, что рывок не возымел ожидаемого воздействия.

Прерванный поток мыслей молодой львицы без труда восстановился, стал назойливее вселять сомнения. Вызывал тревожность. Сбивал сердечный ритм.

Раз бедро ей так нужно, раз она за него так отчаянно борется, а мне оно не нужно, следовало бы разомкнуть челюсти. Но вдруг она сыта точно так же, как я, а может, даже больше... Как тогда быть?

Почему именно я должна уступить ей, а не она мне?

Молодая львица приоткрыла глаза, оглядела соперницу, силясь через её внешний вид ответить на мучавшие нутро вопросы. Складное, поджарое тело. Вроде не голодает. Всё с ней в порядке.

Старшая львица вызывающе посмотрела в ответ. Обе нахмурились, так, что между бровями образовались глубокие складки.

Тогда пусть уступит, ведь я первая увидела остатки туши.

Львицы переглядывались время от времени, забыв про мух, жару, время. Иногда тяжело вздыхая, незаметно переминались с ноги на ногу.

Хвост молодой львицы нервно хлестал по земле, поднимая клубы пыли. Мысли приняли другой, ещё более неожиданный поворот.

Мы уже долго стоим. Если разомкну челюсти, потому что решила, что бедро мне всё-таки не нужно, это будет выглядеть так, как будто я устала и сдаюсь...

Она не знала, как поступить. Азарт борьбы, что ударил в голову адреналином и растворился в крови, мчась по венам, сменился сомнениями и неуверенностью в смысле совершаемого поступка.

Младшая львица перестала понимать, зачем ей нужен кусок пролежавшего несколько часов под беспощадными лучами солнца мяса. Ещё больше не понимала, по какой причине должна его выпустить из пасти. Она стала заложником принципов и упрямства.

Объяснив себе самой, почему ей не нужно бедро, поверив в причину и почти не желая иметь с этим куском никаких дел, всё равно боялась отпустить его, потому что старшая львица и наблюдающий за битвой прайд, не зная её мысли, могут придумать свои, понять её поступок по-своему. А ей ни в коем случае не хотелось выглядеть слабее. Стать той, кто оступается от своего, и плевать на то, что оно ей уже не нужно.

Младшая львица оказалась в ловушке. Злилась на весь мир, на сложившуюся ситуацию. Распускала, втягивала стальные когти.

Вдруг она перестала соображать, будто кто-то поставил происходящее на паузу. Провалилась в темноту, в небытие, в то, чего не существует. Это был сон наяву. Может быть, он охватил её из-за усталости. Может, она потеряла сознание.

На саванну опустились сумерки. Поднялся ветер. Спустя вечность младшая львица приоткрыла глаза. В голове прояснилось. В чувства её привели невыносимая боль в мышцах, судорога в челюсти.

Напротив никого не было. Удивлённая, она с трудом разжала челюсти, ожидая, что бедро тут же потащит на себя старшая львица. Но этого не произошло.

Повернув голову к прайду, она обнаружила, что львицы заняты вечерним умыванием львят, а львы, забавы ради, боролись между собой. Старшая пропала.

Младшая потянулась, размяла ноги, зевнула. Челюсть отозвалась болью. Окинув безразличным взглядом бедро, вздохнула. Задумалась над тем, как сделать вид, что в полуденные часы ничего не произошло, и никакой драки за драное, облепленное мухами бедро не было.

Рысёнок и хомяки

Вот уже несколько дней по лесной округе разносился надрывный рёв рысёнка. Мать его погубил жестокий охотник. Детёныш неустанно пищал в роще, не давая покоя жителям леса. Певчие птицы силились щебетанием перебить его рыдания, но сдались и покинули ветви в поисках более тихого места. Мелкие животные разбежались, не в силах терпеть плачь маленького хищника. Рысёнок перебудил и подземных жителей тоже.

Неподалёку от места, где он ревел, жили в пятикомнатной норе три хомяка. Выждав до утра, сонные, они выглянули посмотреть, что же за зверь мешает спать всему лесу. Увидев кричащую маленькую кошку, хомяки переглянулись.

Рысёнок, уловив в колючей траве движение, мгновенно замолчал и прислушался. Хомяки застыли как вкопанные и перестали моргать, испуганно сосредоточив взгляды друг на друге. Детёныш расслабился и заревел ещё жалобнее.

Хомяки, забившись поглубже в нору на безопасное расстояние, зашептались.

– Он голодный, вот и кричит. покормить его надобно, – заключила старая хомячиха.

Хомяки пискнули в знак согласия, а один пошарил у себя за щеками в поисках съестного.

– Да не этим его кормить, Хома! Ему нужно мясо.

От слова «мясо» у Хома засосало под ложечкой. Из них троих он был самым толстым. Чтобы избежать недвусмысленных намёков на свою форму, он и предпринял попытку найти что-нибудь, чем можно поделиться с крикуном.

Хомяки призадумались. Суетливого Хома ткнул в бок Фома, он был более спокойным, но не таким отзывчивым, ибо и с формой его, и с содержанием было всё в порядке. Бояться нечего.

Тишину в норе нарушали отголоски криков голодного рысёнка. Хомяки невольно прикрыли лапками уши, чтобы хоть на несколько мгновений прекратить пытку. Уж больно надоел крик.

– Если мы его не накормим, он рано или поздно съест нас, – рассуждал Хома, под «нас» больше имея ввиду себя, – Или погибнет от голода...

– И это будет не наша вина, – сопротивлялся благотворительности Фома. – Мы не несём за него ответственность.

– Но вопли-то слышим, – перебила их Тома.

– Их слышит весь лес.

– Мы не весь лес. Мы ему поможем!

Тому переспорить было сложно, и сомнения хомяков быстро сошли на нет. Делать нечего – придётся кормить.

Посоветовавшись, хомяки стали искать в лесу что-нибудь съестное для рысёнка. Пока тот истошно выл в роще, они методично исполосовали близлежащие окрестности. Встретив зайца, многозначительно переглянулись, но заключили, что для рысёнка зверь крупный, и он с ним не справится.

Фома нашёл останки оленя, недавно убитого медведем. Волки пока не успели растащить лакомые куски. Нужно спешить.

– И как же мы его сюда приведём? – вслух произнёс Фома вопрос, который тревожил всех.

– Придётся кому-то из нас завладеть вниманием рысёнка и бежать, что есть мочи, до оленя, – предложила Тома.

– Я не добегу, – задрожал Хома и проглотил от волнения затерявшееся в щеках зёрнышко, – И тогда сам стану обедом этому дьяволёнку. Вы этого хотите?!

Тома задумчиво кивнула. В скором времени выдала план:

– Будем вести его к оленю по очереди. Заранее выроем по траектории пути норы, куда можно спрятаться. Сначала поведёт Хома, после Фома, а завершу дело я. Так оно надёжнее будет.

– А почему это я первый? – возмутился Хома, – Мне страшно.

– Не бойся. Я выбрала для тебя самый ровный промежуток. Главное нору побольше выкопать, чтобы ты, чем чёрт не шутит, не застрял, – сказала она без сарказма, но Фома всё равно не сдержал смехок, на что Хома обиженно фыркнул.

– Но и не переборщить, а то ведь рысёнок влез... – начал было Фома подшучивать над братом.

– Шшш, – стукнула Фому Тома, – Не пугай его.

Распределить обязанности хомякам не доставило труда. Они основательно изучили самую короткую дорогу от рысёнка к туше оленя, подготовили норы и разошлись на заранее оговорённые места.

Стартующий первым Хома замялся. Когда до плачущего рысёнка осталось несколько десятков метров, хомяк забился под камень и, подёргивая усиками, замер. Может быть, не стоит так рисковать жизнью ради кровожадного сироты? А вдруг он не успеет убежать и станет прелюдией к обеду?

Съёжившись от страшных мыслей, Хома заставил себя сдвинуться с безопасного места и приблизился к клыкастому коту. Была не была.

Рысёнок так страдал, что не заметил хомяка. Хома ожидал, что он заметит его, но большой кот был полностью поглощён горем. Заунывно урчал, кричал и ворчал, за последние сутки распугав вокруг всё живое.

– Эй, – шикнул ему хомяк. Терпеть ожидание было ещё страшнее, чем находиться рядом с, пусть и маленьким, но хищником. Сердце колотилось так, что, казалось, если раздвинуть шерсть, то можно увидеть, как оно рвётся наружу. – Эй!

Услышав писк хомяка, рысёнок умолк. Взгляды их встретились, и хомяк, всхлипнув от ужаса, дал дёру с такой скоростью, на какую рассчитывал только в самых смелых мечтах. Рысёнок принял приглашение хомяка, по его мнению, к игре, и помчался следом.

В роще наконец-то настала благодатная тишина. Даже птицы не завели утреннюю песню, желая немного побыть в покое.

– Оё-ё-й, – пыхтел хомяк, не ожидая от рысёнка такой проворности.

Мир в глазах Хома кружился то ли от волнения, то ли от скорости бега. Одышка и колики в боках уступили желанию выжить.

Различив во вращающемся окружении нору, Хома влез в неё с необычайной ловкостью. Фома, ожидающий его и рысёнка, не поверил глазам. Увлечённый зрелищем, запоздало отреагировал на принятие эстафеты, чем подвергнул себя опасности и чуть не сорвал дело.

Рысёнок расстроился, увидев, как хомяк шмыгнул в нору, но заметил другого и переключился на него. Махнув когтистой лапой, он чуть не подцепил грызуна, и, если бы не проворство последнего, всё было бы кончено.

Фома грамотно довёл детёныша до Тома. Рысёнок, как и в первый раз, переключился на новую жертву-игрушку. Птицы и белки, сидящие на деревьях, заморожено наблюдали за погоней и делали ставки –поймает или нет.

Тома добежала до туши оленя по самому извилистому участку пути и с лёгкостью скрылась под ним, оставив рысёнка наедине с предполагаемой едой.

Фома прибежал к ней по подземному тоннелю.

– А где Хома? – взволнованно спросила она, – Всё в порядке?

– Ты бы его видела! Дух, наверное, переводит. Бежал, как чемпион.

Хоме и правда было несладко. Бока разболелись, а дышал он громче паровоза. Тем не менее, интерес взял вверх над усталостью. Как смог, он добрался до туши оленя, боясь пропустить главное.

– Ну что, ест? – пропыхтел хомяк.

Тома и Фома вздрогнули и подвинулись, чтобы Хома тоже смог вытащить мордочку из норы.

– Фу, напугал! Как ты? Рысёнок уже всю тушу облазил, вынюхивает что-то. То мясо, то воздух вокруг. За трапезу никак не возьмётся.

– В порядке, – икнул Хома, – Если после того, что мы сделали, он не поест, я его покусаю.

– Ну, хотя бы замолчал.

– Это да.

Детёныш рыси не спешил полакомиться хоть и не первой свежести, но вполне сносным мясом. Перед глазами ещё прыгали хомяки, а разумом он пытался осилить сложившиеся обстоятельства. Вскоре голод захватил существо рысёнка. Горе забылось, и он с удовольствием вгрызся в тушу оленя.

Хомяки в инстинктивном страхе отвернулись. Задачу свою они выполнили и могли жить привычной размеренной жизнью.

Но не тут-то было. Крикливый рысёнок оказался через чур сообразительным. При малейшем признаке голода он поднимал весь лес на уши. Жители роши уже знали, кто может прервать этот душераздирающий крик. С претензией они обращались в нору к хомякам.

– Ваш детёныш опять жить спокойно не даёт. Накормите его, чтобы замолчал!

Так благотворительность привела к ответственности. Рысёнок знал, что хомяки помогают ему искать еду. Хомяки знали, что рысёнка нужно кормить вовремя, иначе гнев всего леса обрушивался на их маленькие головы.

Они и жалели, что ввязались в заботу о сироте, упрекали себя за сердобольность, и в тоже время слаженно приводили рысёнка к еде.

Детёныш заигрывал с ними и пару раз чуть не поймал Хому, но отпустил, зная, что тот приведёт его к более крупной добыче.

Вместе с рысёнком росли и его потребности. Была бы его мать жива, она бы научила его охотиться, но мать заменили три хомяка, и он ждал от них наводки на уже мёртвых животных.

– Теперь нужно как-то отвязаться от него. Научить охотиться, – после очередной вылазки высказался Фома, – Хома вон в весе сбавил. Ещё немного, и рысёнок превратится в вполне здоровую зловонную голодную рысь. Настала пора ему заботиться о себе самостоятельно.

Хома и Тома согласились с ним. Всем надоела вечная беготня в поисках мяса в жаркие дни, предназначенные раньше для сна, и прохладные, созданные для жизни, ночи. Хомяки не могли покинуть свою нору для дальнего похода к родственникам, не успевали полноценно пополнять личные запасы, в конце концов не высыпались. Сытость и молчание рысёнка давалась им тяжёлым трудом.

Фома уговаривал Хому и Тому попробовать игнорировать потребности рысёнка и упрёки леса. Хома готов был согласиться, но Тома никак не хотела оставлять детёныша, сердцем привязавшись к нему. Угрызения совести в отношении уже не такого уж и маленького чудища не давали покоя всем троим, но каждому по-своему.

Однажды пролетел слух, что на другом конце леса ошенилась волчица. Фома придумал, что если у них получилось подсовывать рысёнку еду, значит, и получится подсунуть рысёнку волчице. Идея была абсурдной, но дальше так жить было нельзя.

Три хомяка проделали с рысёнком привычную манипуляцию. Стратегия была та же, но вместо мёртвой туши рысёнок нос к носу встретился с волчицей. Привыкший доверять хомякам, он не ожидал увидеть перед собой живого хищника. Не ожидала увидеть его и волчица.

Рысёнка она встретила агрессивно. Ощетинившись, долго бродила вокруг него. Не нападала, но и не проявляла дружелюбия. Рысёнок, припав на передние лапы, попытался к ней приластиться, но не вышло. Волчица отвернулась и ушла к своим волчатам.

Не зная, как привлечь её внимание, рысёнок робко, а позже настойчиво позвал её. С трудом волчица согласилась за ним пойти. Рысёнок показал ей свой недоеденный несвежий обед и выказал желание поделиться. Волчица хмыкнула, но повела себя благосклонно. Дар его она не приняла, но на охоту пригласила.

Хомяки, пронаблюдав за знакомством с облегчением выдохнули:

– Отвязались.

Мартышка и зеркало

Ветер волновал тканевые стенки палатки. Звенел посудой, разбросанной по опустевшему лагерю. Стрекот цикад вступил с ним в дуэт и не уступал в первенстве. Оба боролись между собой, желали узнать, кто же сильнее, кто победит, заполнит без остатка окружённый тропиками лагерь.

В оранжевых лучах рассвета от земли поднимался душный пар после холодной ночи. Спальные мешки ещё сохранили тепло отдохавших в них после тяжёлого дня людей. Поскрипывало заброшенное потной одеждой кресло-качалка.

Вдруг с грохотом упала с собранного из бамбука на скорую руку столика жестяная тарелка. Мартышка, задевшая её, вскрикнула от неожиданности, спугнув цикад. Хозяйничая в лагере, она за считанные минуты вытряхнула несколько тюков с грязной одеждой на пол, досконально изучила дорогое снаряжение исследователей, так что некоторые его части теперь валялись в разных углах палатки, перевернула вверх дном посуду, не со зла разбив пару чашек.

Покачавшись в кресле-качалке, пронзительнее заскрипевшем под весом, мартышка направилась разрушать лагерь дальше. Недоверчиво ощупала острые ножи и вилки, попробовала на язык причудливые предметы походного быта. Она всё время была напряжена и предельно сосредоточена. Любой посторонний шорох или звук мог предупредить о беде. Тогда она сразу убежит, спрячется в зарослях папоротника или как можно выше заберётся на дерево с самой густой кроной. Потом замрёт, чуть зажмурит глаза, и только ноздри будут широко раздуваться, а оттопыренные уши внимательно слушать.

Напряжение нарастало по мере приближения полудня. Мартышка устала от внутренней тревоги и приготовилась вернуться в глубину джунглей, но вдруг заметила, как на полу что-то сверкнуло. На всякий случай, припав к земле телом, она, едва дыша, подкралась к неизвестному предмету и скинула полотенце, под которым он скрывался. Перед ней лежал плоский блестящий прямоугольник. Набравшись смелости, мартышка заглянула в него. Готовая броситься наутёк, она увидела в прямоугольнике... себя.

Обезьяна отпрянула от странного предмета. По инерции попятилась назад. Ничего не произошло. Тогда мартышка смелее приблизилась к прямоугольнику. Сердце стучало, словно барабанная дробь на празднестве местного племени. Но мартышка была не из пугливых. Всё равно заглянула в необычную штуковину. Зеркало снова показало её собственное отражение.

На этот раз мартышка не отпрянула, а замерла перед отражением, изучая каждую мелочь. Шершавыми пальцами она плавно дотрагивалась до своих ушей, бровей, глаз, носа, рта. Отражение повторяло всё в точности, безошибочно. Взвизгнув от удовольствия, обезьяна повторила процедуру несколько раз.

Из леса раздался хруст веток, сопровождаемый громкой людской речью. Спohватившись, мартышка бросилась бежать в противоположном звукам направлении, но на полпути передумала и решительно повернула обратно. Схватившись не на жизнь, а на смерть в зеркало, потащила его за собой.

Вернувшаяся с экспедиции группа людей заметила, как мартышка уносит ноги из лагеря вместе с зеркалом. Преследовать её не стали, лишь усмехнулись выбору животного. Обнаружив, какой бардак она устроила в палатке, рассердились и вспомнили недобрым словом.

Мартышка мчалась через джунгли, не разбирая дороги. Сильная ладонь цеплялась за все лианы и стволы, что попадались на пути. Вторая рука стальной хваткой держала зеркало. Добравшись до безопасного места неподалёку от ручья, мартышка спустилась с дерева и бережно положила зеркало перед собой. Теперь никто не мог помешать ей вглядываться в своё отражение.

Но наступили сумерки, а вслед за ними тёмная южная ночь. Отражение мартышки исчезло, как и всё, что её окружало, в густой темноте. Издав разочарованный взглас, она спрятала зеркало под ветками папоротника. Скорее бы дожидаться часа, когда взойдёт солнце и откроет ей чудо похищенного предмета.

На утро, чуть только лучи заструились по листьям верхушек деревьев, а ранние пташки защибетали, сменив ночное выступление насекомых, мартышка торопливо протёрла глаза после сна. Забыв о завтраке, принялась ворошить заросли в поисках спрятанной находки.

На зеркале остались земляные разводы, и, прежде чем глядеться в него, мартышка облила палец и любовно потёрла по стеклу, очищая запачканные участки. Вновь увидев себя в чистом зеркале, она оскалила зубы, построила гримасы. Так прошёл день.

Мартышка не пила и не ела, увлечённая новой игрушкой. Облокотив зеркало о ствол дерева, она отбегала подальше, чтобы разглядеть себя с разных расстояний. Её восхищало это удивительное приспособление. Однажды она уже видела своё отражение в озере, но здесь – другое дело. Зеркало можно было брать с собой в любое место в джунглях.

Когда голод дал о себе знать жалобным урчанием в животе, мартышка взяла зеркало под мышку и побежала на поиски пропитания. Ей не хотелось расставаться с зеркалом ни на секунду. Под покрывало из листьев папоротника и веток она прятала его только на ночь. Даже такое кратковременное расставание волновало её. Мартышка спала беспокойно, по несколько раз за ночь вздрагивая во сне, чуть приоткрывая один глаз, чтобы проверить, на месте ли её сокровище.

В один из особенно погожих дней за разглядыванием себя в зеркале её застала знакомая макака. Сначала тихонько следила за подругой из-за кустов. Смотрела, как та корчит рожи, ест бананы и ловит на себе насекомых, не открывая взгляда от прямоугольной штуки, которая в точности копировала каждое действие мартышки.

К вечеру затаившаяся макака не вытерпела. Сделав вид, что проходила мимо, вылезла из кустов. Да так внезапно, что мартышка в первые секунды растерялась.

– И чем это ты тут занимаешься? – спросила макака.

Мартышка спрятала за спину зеркало, сжав его так, что побелели пальцы.

– Ничего такого.

Она попятилась к дереву задом, чтобы спрятать сокровище в опавших листьях.

– А что же ты тогда прячешь за спиной? – не отставала макака.

Отпираться от расспросов было бесполезно. Мартышка нехотя вытащила зеркало из-за спины.

– Вот. Только не трогай. Это моё, – пробухтела она.

Макака неуверенно приблизилась, вглядываясь в зеркало. Увидев там своё отражение, она нахмурилась.

– Глупость какая. Я так себя в озере видела, – заключила она.

– Да, но озеро с собой не унесёшь, а эту штуку можно, – начала мартышка, но вовремя прикусила язык.

Испугалась, что, если будет расхваливать чудо-устройство, то макаке захочется такое же. Чего доброго начнёт отнимать. Дружба закончится кровавой дракой, ведь отдавать зеркало без боя мартышка не собиралась.

Подруга на это заявление хмыкнула. Они обе оказались перед зеркалом и одновременно туда посмотрели. Заметив через отражение, что макаке ситуация кажется любопытной, и она через зеркало разглядывает их обеих, мартышка с силой прижала зеркало к груди отражающей стороной.

– Раз не твоё, значит не смотри! Найди себе сама что-нибудь. Или ходи к озеру и смотри через него.

– Да не очень-то мне это интересно, – огрызнулась макака, не ожидая такой реакции, – Тебя давно не видно, оставь свою штуку, пойдём погуляем.

– Нет, я занята. Уходи!

Макака хотела вразумить мартышку, но осеклась. Уж слишком резко та с ней разговаривала.

– Как знаешь, – хмыкнула она и, махнув хвостом, растворилась в зарослях папоротника.

Как только подруга ушла, угрюмость мартышки рассеялась. Она поставила зеркало на прежнее место.

Так шли недели. Чем больше времени мартышка совершала обыденные дела перед зеркалом, тем больше ей претила мысль о том, что она может что-то делать без него. Спала она тревожно, и, чуть свет солнца озарял джунгли, спрыгивала с дерева и откапывала зеркало.

Несколько раз пробовала засыпать вместе с зеркалом, сидя на дереве, но это оказалось совершенно неудобным. Мартышка так боялась его уронить, что всю ночь не сомкнула глаз и, впадая в лёгкую дремоту, тут же просыпалась.

Она перестала общаться с другими обезьянами. Увлечённая только собой, похудела, потому что не всегда успевала добывать пищу из-за постоянной оглядки на зеркало. Собратья, заметив странное поведение, обходили её стороной, но мартышку не волновало ничего, кроме собственного отражения. Она не замечала подозрительного отношения к себе.

Её пробовала вразумить подруга. Макака не могла понять, с чего это вдруг мартышка разучилась жить, не оглядываясь на отражение, ведь раньше могла, и вообще все могут. Мартышка её не слушала. Она сама не до конца понимала свою зависимость от зеркала, но, ей казалось, что, если она будет наблюдать за своим отражением, то только тогда сделает всё правильно.

Это зеркало открыло ей глаза на себя. Она считала, что оно помогает ей жить и делать всё так, как положено. Исхудавшая, одинокая, мартышка никого не слушала и всё более скрупулёзно относилась к хранению зеркала ночью.

Как-то вечером в глубине джунглей раздались выстрелы. Звери с грохотом промчались мимо мартышки с зеркалом, не разбирая дороги и втаптывая в землю кусты. Мартышка отошла, чтобы её не сбили, оторопело следила за бегущим потоком животных.

– Вперёд! Беги!!! – прокричала ей макака, несясь мимо вместе с другими обезьянами.

Мартышка схватила зеркало под мышку и побежала за сородичами. Вскоре ей, как и всем, пришлось взобраться на дерево и перебираться с ветки на ветку. Одной рукой делать это было очень неудобно, но она не сдавалась.

– Да брось ты его! Брось! – упрасивали обезьяны, – Иначе погибнешь!

Выстрелы слышались совсем близко. Казалось, ещё немного – они опалят шерсть.

Мартышку ранило в плечо. Она кубарем покатилась в овраг. Несмотря на невыносимую боль, продолжала коситься в зеркало, не разжимая окровавленных пальцев. Стекло сбоку рамы треснуло от падения. Зеркало взбороздили молнии трещин.

Мартышка не шевелясь лежала в копне листьев и смотрела в разбитое зеркало. Так её и нашла спустя несколько часов макака. Осмотрев мартышку, она предложила помочь ей встать, но та не ответила. Пальцы кровоточили и дрожали от напряжения, но отпускать зеркало она не была намерена.

Подруга с трудом, без разговоров, разжала ей пальцы и вытащила несколько мелких осколков. Зеркало упало на землю. Несколько разбитых участков серебром ссыпались, расплескались в листе.

На глазах мартышки выступили слёзы. Она тяжело села и пододвинула зеркало к себе, чтобы посмотреться в него. Ещё несколько осколков полетели с зеркала, смешались с травой.

– Чего же ты плачешь? Ты ведь жива! И рана у тебя несерьёзная... – осматривая мартышку, сказала макака.

– Как же мне теперь жить – без зеркала! – взревела мартышка.

– Так же, как и до него. Счастливо! Оставшись вдвоём с зеркалом, ты обрекла себя на одиночество и постоянное разглядывание себя. Перестала видеть остальное. Смотреться в зеркало – примитивно. А ты вот попробуй увидеть себя в других. Это намного занятнее.

Удав и Зайка

В жизни, полной банальности, случилось событие абсурдное, но в глубине своей предсказуемое. Ведь самые неожиданные вещи чаще всего отсвечивают и привлекают внимание ещё на самой поверхности. Так Зайка влюбилась в Удава.

Она была совершенно очарована его способностью завораживать животных одним взглядом, не прилагая каких-либо усилий. Природное обаяние, уверенность в себе и способность внушать ужас делали Удава безумно привлекательным в глазах робкой, с часто дрожащими от волнения ушками, Зайки. Она испытывала перед ним благоговейный ужас, трепет, который набирал обороты прямо пропорционально разумному доводу держаться от змея как можно дальше.

Зайка в тихой скромности наблюдала за жизнью Удава осторожно, издалека, боясь потревожить его величественный покой. У Удава и так много дел, привлекать его своей незначительной персоной совсем ни к чему.

Но Зайка была способна на отчаянные поступки. Тот, кого ворожит опасное, обязательно со всей душой и прилежностью прыгнет в этот омут с головой, чтобы либо покорить, либо стать рабом избранного ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.